

Владимир Царицын УФОЛОГ

Книга 3 цикла
«Покойники иногда воскресают»

@ЭЛИТА

18+

Покойники иногда воскресают

Владимир Царицын

Уфолог

Электронное издательство "Аэлита"

2012

Царицын В.

Уфолог / В. Царицын — Электронное издательство "Аэлита",
2012 — (Покойники иногда воскресают)

Третья книга шпионского цикла «Покойники иногда воскресают». Цикл состоит из трёх книг, объединённых одними героями. В каждой книге описывается отдельная операция ФАЭТ. В третьей части романа («Уфолог») появляются новые герои. Это сотрудник Бюро специальных расследований Максим Хабаров, которого по рекомендации Дантиста, известного читателю по двум предыдущим повестям цикла, приглашают работать в ФАЭТ – Федеральное агентство эффективных технологий. Вторым новым персонажем – юный выпускник спецшколы ФАЭТ по прозвищу Харизма. Действие повести происходит на территории России и в вымышленном государстве Лурпак. Дантист со своими новыми товарищами расследует дело об убийстве двух учёных-уфологов и таинственном исчезновении третьего. Вскоре выясняется, что в этих преступлениях замешана спецслужба Лурпака, и что исчезнувший уфолог – профессор Вошкулат – жив. Учёный нашёл в одной из аномальных зон на Дальнем Востоке неизвестное вещество с уникальными свойствами; государство ставшее его обладателем сможет диктовать свою волю всему миру...

© Царицын В., 2012
© Электронное издательство
"Аэлита", 2012

Содержание

1. Профессор из Степного	6
2. Школьные товарищи	12
3. Собачки	18
4. Следы ведут в Лурпак	24
5. Старший брат	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Царицын

Уфолог

© ЭИ «@элита» 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Профессор из Степного

Макс посмотрел на часы. Профессор не просто опаздывал, он фатально опаздывал. Было совершенно понятно, что назначенная встреча не состоится.

Макс кивком подозвал официантку. Когда та подошла и подала счёт, он, ничем не выразив удивления по поводу порядка цифр, аккуратно выстроенных в ряд под не менее аккуратной и ровной горизонтальной чертой, отсчитал причитающуюся заведению сумму. Однако подумал:

«Лучше бы профессор Москаленко назначил встречу в университетской столовке»

Подняв голову, он заметил, что Марианна (имя было написано на ламинированной бэйдже) смотрит в его раскрытый тощий бумажник с какой-то грустью и состраданием, как богомольная старушка на нищего с церковной паперти. С гордым выражением лица Макс добавил к деньгам, что причитались заведению за напёрсток чёрного кофе без сахара и стакан минеральной воды без газа, выцветшую, ставшую ветхой от длительного и весьма активного обращения, десятку. Сунув бумажник в карман, Макс вышел из кондиционированной прохлады кафе на шумную улицу.

Июльская жара, городская духота и вонь выхлопных газов не стали церемониться – накинулись скопом и сразу, – едва не вдавив Макса своей обобщённой плотностью в расплавленный асфальт. Отсутствие в черте города какого-либо более-менее приличного водоёма говорило само за себя. Редкие унылые деревца и ещё более редкие островки пожелтевшей от безжалостных потоков ультрафиолета травы казались раритетами, которым не место в мёртвом царстве асфальта, стекла и бетона.

Прохожих не наблюдалось. Оно и понятно: кому захочется подвергать свой организм таким испытаниям? Солнце было активным до неприличия, даже агрессивным, несмотря на то, что часы показывали самое начало одиннадцатого. Спасительная тень имела место быть только внутри помещений.

Макс отцепил повешенные на мысик белой футболки солнцезащитные очки и надел их. Существенного облегчения зрению это не принесло.

«Итак, – стал размышлять он, – Москаленко назначил встречу в кафе, которое находится довольно далеко от университета и ещё дальше – от дома, в котором он живёт вместе с женой и двумя незамужними дочерьми. Ясен пень, боится быть замеченным кем-то. Кем?.. Скорей всего, своими коллегами, или людьми, живущими в соседних домах. То бишь, соседями. А кто его соседи?.. Всё те же коллеги – в зелёной зоне университетского городка других не селят, это закрытая территория. И мне, между прочим, туда так просто не проникнуть. А светиться Карачун не велел. Даже удостоверение сотрудника БСР запретил с собой брать, отправляя в эту странную, если не назвать дурацкой, командировку...»

Макс подошёл к таксофону и набрал номер кафедры. Трубку подняли сразу.

– Кафедра.

«Сухо, крайне сухо. Что за кафедра? Кто говорит?..Голос молодой, девичий, но злой, раздражённый. Секретарша?.. Я бы такую секретаршу уволил, будь я профессором и заведующим кафедрой уфологии» – подумал Макс и представился:

– Доцент Иванов. Можно поговорить с профессором Москаленко?

– Кто его спрашивает?

«Глухая, что ли?»

– Доцент Иванов, – повторил Макс смиренно. – Иванов Михаил Петрович, бывший ученик профессора. Из Энска.

– По какому вопросу?

«Вот зануда...»

– По личному, милочка.

– Я *вам* не милочка, – резко ответила зануда. – Профессор Москаленко не может вас принять.

Весело зазвучали короткие гудки отбоя.

Вот так вот! Взяла да и повесила трубку, решив, что говорить больше не о чем. Милочка...

«Сука» – мысленно ругнулся Макс, впрочем, без особенного раздражения.

Он снова стал набирать номер кафедры, но на последней цифре, передумав, ударил по рычажку и набрал другой номер – более длинный, но крепче других номеров сидевший в памяти.

– Слушаю!

Голос шефа ярко отражал специфику его профессии. В нём звучало много чего, а конкретно:

1) раздражение от частых проколов и неудач и следующих за ними разносов от высшего руководства. Как правило, несправедливых;

2) постоянное недосыпание, а как следствие – отвращение к завтракам и неизбежный в таких случаях гастрит, сопровождающийся мощной изжогой;

3) не проходящая усталость, которая не компенсируется короткими обрывками перманентно прерываемых отпусков, что также не способствует избавлению от изжоги;

4) чрезмерное употребление народных «антидепрессантов» – кофе, сигарет и некоторых других (чаще всего натошак), а это и вовсе гробит здоровье, точнее, его остатки.

– Это я, Боливар, – Макс назвал ее именем, придуманным только для этой операции и которое знали только они вдвоём – он и Карачун, то бишь, полковник Карачаев.

– Здравствуй, Боливар, – вкрадчиво поздоровался шеф и на всякий случай предупредил: – Говори на сленге. Что у тебя? В Багдаде всё спокойно?

Сотовый Карачуна не должен был прослушиваться, но... шефу видней.

– Как вам сказать э... уважаемый. В Багдаде сплошные непонятки.

– Что так?

– Визирь в чайхану не пришёл. Во дворце – зловредный стражник. Вернее, стражница. В гарем, думаю, пока соваться не стоит.

– Правильно думаешь. Попробуй всё-таки пробраться во дворец. Как-нибудь... через заднее крыльцо.

– Я это умею, – заверил шефа Макс.

– Звони. – Карачун повесил трубку.

Макс снова внимательно послушал короткие гудки, кивнул и сказал в трубку:

– Как только что-нибудь стоящее выясню, обязательно сообщу об этом вам, господин Карачун.

Площадь перед университетом была похожа на раскалённую сковородку. Если бросить на неё шмат сала, оно сразу зашкварчит, разбрызгивая жировые капли и чадя жёлтым дымом. А потом пару яиц, и будет прекрасная глазунья. Сверху посыпать рубленой зеленью...

Есть, впрочем, в такую жару не хотелось, мысли о яичнице с салом появились в голове Макса лишь потому, что, побродив между старинными корпусами университета и поджарив пятки на горячем размягчённом асфальте, он вспомнил о своём студенчестве...

...Оно, студенчество, было в его жизни периодом недолгим – всего два с половиной курса. Макс вовремя понял: экономика и бухгалтерский учёт – это не его, слишком скучно и однообразно, а система двойной записи, изобретённая когда-то очень давно Лукой Паччоли и практически оставшаяся неизменной по сей день, просто выводила из себя. Информация усваивалась легко, но учеба не приносила удовлетворения, и даже раздражала.

И Макс решил сменить профиль...

...Заходить в здание главного корпуса, где находилась кафедра уфологии, Макс поостерегся. И через центральный вход не пошёл, и через заднее крыльцо. Июль – время каникул и отпусков. На кафедрах остались единицы персонала. Был бы сентябрь, другое дело! Затеряться среди сотен студентов и получить нужную информацию, прислушиваясь к разговорам, – чего проще? Сейчас действовать нужно более осторожно.

Купив по дороге местную газету (газета называлась «Степняк», что было совсем неудивительно), Макс зашёл в пивной бар, расположенный на противоположной от главного корпуса стороне площади. В баре натужно гудел давно переживший первую молодость кондиционер, ему явно не хватало мощности, но всё-таки он по-стариковски не сдавался – пыжился, пытаясь охладить воздух. Впрочем, это ему почти удавалось, так как дополнительной нагрузки было немного – лишь бармен, со скучающим видом протирающий белоснежной салфеткой высокие бокалы тонкого стекла.

При появлении Макса бармен отставил бокал в сторону, а кондиционер взревел с удвоенной энергией, приветствуя вошедшего.

Макс поздоровался, и, подойдя к стойке, стал внимательно изучать табличку с заявленным ассортиментом пива. На верхней строчке значилось пиво местного производства, конечно же «Степное». Цена у него была выше других. Макс заказал большой бокал дорогого «Степного», чем явно расположил к себе бармена.

– Что будете к пиву: чипсы, сухарики, орешки? – угодливо осведомился бармен, нацеливая пиво.

Максу хотелось только пить – холодного и много, залпом.

– Могу предложить копчёные сырки, – продолжал бармен.

– А креветки у вас имеются? – Макс решил не портить впечатления служителя общепита о своей персоне.

Но лицо парня вытянулось, он был ужасно огорчён тем обстоятельством, что не может удовлетворить просьбу клиента.

– Креветок, к сожалению, нет, – извиняющимся тоном пролепетал он.

– А что есть из морепродуктов?

– Вяленый кальмар, палочки лососевые, анчоусы. Хотя они не очень... О! – нашёлся бармен. – Есть! Правда, это не совсем море продукт... Раки! У нас есть раки. Свежие, их привезли только сегодня утром, они ещё живые. Если вы подождёте буквально семь с половиной минут...

– Я готов подождать даже восемь минут, – согласился Макс. – Как тебя звать?

– Сергеем, – расплылся в улыбке бармен и умчался варить раков, а Макс, ополовинив бокал пива, осмотрелся.

Зал был оформлен в молодёжном стиле – яркие модернистские рисунки на кирпичных не оштукатуренных стенах, граффити, горизонтальные металлизированные жалюзи на окнах. Пластиковые столы и табуреты. Музыкальный автомат в полутёмном углу. Сейчас играло и пело что-то нерусское, но, слава богу, не такое громкое и надрывное, что любит молодежь.

Макс подошёл к окну и, оттянув ламель, посмотрел на площадь – она оставалась такой же пустынной, как и пару минут назад...

...решил сменить профиль.

И стал специальным агентом БСР. Конечно не сразу. С улицы в Бюро Специальных Расследований не берут. Да и до выхода из призывного возраста было далековато...

Забрав документы из Академии финансов, и выслушав от декана лекцию о человеческой глупости, которая иногда калечит судьбы людей, болтался без дела и ожидал весеннего призыва.

Призвали, как положено, в мае. Службу Макс нёс на западной границе. Между нарядами и тревогами усиленно самосовершенствовался – овладел немецким и английским языками и получил первый дан айкидо. После демобилизации вернулся домой, и когда вставал на воинский учёт, получил от военкома предложение о работе в полиции. Думал недолго, согласился.

Четыре года отработал на земле, параллельно закончив высшие полицейские курсы, и стал одним из лучших оперов в районе. С доски почёта его мужественную, с коварной хитринкой во взгляде тёмно-серых глаз, физиономию практически не снимали. За четыре года четырнадцать задержаний и одно ранение, лёгкое. В смысле – не тяжёлое. А однажды Макса вызвали в главк и сделали предложение, от которого отказываться было глупо. Он ещё в армии мечтало чём-то подобном.

До того момента, когда Макс стал секретным агентом, ему предстояло ещё немного подучиться. Новые курсы и новые знания...

– Прошу! Ваши раки, – лицо бармена светилось радостью.

Макс подошёл к стойке.

– Мало клиентов в этот час? – осведомился, заводя разговор.

– Наши клиенты в основном – студенты, а сейчас лето: кто на каникулах, кто на практике.

Скоро абитура хлынет, вот тогда клиентов будет, хоть отбавляй. А сейчас... иной день вообще никто не заходит.

– И всё же ты держишь неплохой ассортимент. Даже раки вон...

Сергей широко улыбнулся и вдруг смутился.

– Раков у нас не бывает, – признался он.

– А эти как здесь оказались? – удивился Макс.

– Этих раков лично мне привезли. Младший брат, из деревни. Для собственного, так сказать, употребления. Но вы не думайте, я за них денег не возьму!

– Ну, ты, Серёга это брось, – возмутился Макс. – Я к халяве не приучен. Заплачу, сколько скажешь. В противном случае я к ним не притронусь.

– Нет, нет, – запротестовал Серёга. – Считайте это угощением. Лично от меня. Откажетесь – обижусь.

Вид у бармена был и вправду обиженный.

– Ну, хорошо, уговорил, – согласился Макс, решив, что даст Серёге повышенные чаевые. – Студенты, говоришь? А преподавательский состав? Доценты, аспиранты, ассистенты разные? Они что, пиво не пьют?

– В университете для преподавателей свой бар имеется. Так что они там в основном обслуживаются. Правда, бывает, и к нам забредают, но редко. А сегодня так вообще... – Серёгино лицо стало таинственным.

– А что случилось сегодня?

– Да переполох у них. Этой ночью профессора какого-то убили. Всем сегодня не до пива. Полиция в университете работает. Допрашивают всех по очереди. С полчаса назад приехали на двух «волгах». И сразу допрашивать. Все кабинеты опечатали. У меня там свояк работает, тоже барменом в университетском баре. Звонил мне, перед тем, как вам прийти.

– Как так – убили? – Макс изобразил крайнюю степень изумления. – Какого профессора?

– Я не знаю, какого, – ответил бармен Серёга. – В университете профессоров и прочих доцентов не меньше, чем студентов. Они же там не только студентов учат, они ещё и наукой занимаются.

– А где его убили? Я к тому, что ты сказал: ночью.

– Так там, в университете, и убили. В собственном кабинете. Он, профессор этот, припозднился вчера с каким-то экспериментом, так свояк сказал. Утром приходят, к десяти, а он – труп...

Серёга замолчал, потому что дверь открылась, и в бар вошли двое посетителей, на вид – конкретные учёные.

Конкретные учёные хотели пива и чипсов.

Макс взял своих раков и недопитое пиво, и сел за центральный столик, с расчётом попытаться что-нибудь услышать, если мужчины сядут даже в дальний угол. Он развернул газету, отгородившись ею от посетителей, и сделал вид, что увлечён чтением, изредка отхлебывая из бокала. Раки стояли нетронутыми.

– Да-а-а, – протянул один из мужчин, хрустя чипсами. – Кто бы мог предположить, что Арсен вот так, трагически...

Макс уже давно догадался, что убиенный профессор был его несостоявшимся клиентом. Арсен! Человек, назначивший встречу представителю Бюро, звался Арсением Арсеньевичем Москаленко.

– Кто теперь кафедру уфологии возглавит? – задумчиво произнёс второй. – Шутов, наверное?

– Скорей всего, – ответил первый. – Если только не выяснится, что он замешан в убийстве.

– А ты думаешь, Шутов замешан?

– Кто знает...

Больше они не разговаривали. Допили пиво, встали, расплатились и ушли. Макс подошёл к бармену и тоже расплатился, не забыв про щедрые чаевые.

– А раки? – спросил Серега, увидев, что Макс их не трогал.

– Я их с собой заберу, можно?

Он свернул из газеты кулек и один за другим опустил в него всех трёх крупных головоногих. Потом подмигнул Сереге, и, пообещав ему зайти ещё как-нибудь, вышел из бара. Голубенькие таксофоны стояли неподалёку.

– Это Боливар... Визирь заболел.

– Я уже в курсе. Возвращайся.

И всё.

И весь разговор. Макс даже не успел поведать шефу о своих планах и о подвигах, которые собирался совершить в ближайшие несколько часов.

В этом был весь Карачун. Сказал: «возвращайся» и повесил трубку. Ну, что ж, начальству виднее. Впрочем, Макс не возражал: в тему он ещё не погрузился, что называется, по уши. Да что там по уши, не знал даже в общих чертах, что за тайна, которую предстоит раскрыть. «Вся информация – из уст профессора Москаленко, дальше – по обстоятельствам. Со мной советоваться обязательно!» – это Карачун так инструктировал перед тем, как отправить Макса в Степной.

«А теперь, стало быть, отбой. И новое задание. Хорошо бы куда-нибудь в менее жаркие районы нашей необъятной Родины... Интересно, – думал Макс трясясь в раздолбанной шахе, на крыше которой красовалась ярко-жёлтая пирамидка с чёрными шашечками, – занудамилочка сообщила полицейским операм о звонке некоего доцента Иванова. Наверняка сообщила. Хорошо, что я додумался прихватить ещё один паспорт. На имя Петрова...»

В Москве он был в начале шестого. Взял со спецстоянки оставленную ночью «ниву» и помчался домой. Москва за время его последнего отсутствия ни капельки не изменилась. Та же сутолока и те же наглые таксисты – обгоняющие, подпирающие и подрезающие.

Впрочем, отсутствовал он недолго: всего лишь несколько часов.

В однокомнатной холостяцкой квартирке было душно. Уходя, Макс закрыл все окна – от пыли и тополиного пуха. Поставить бы антимоскитные сетки, да всё некогда. Да и незачем – дома Макс практически не жил.

Закинув пакет со «степными» раками в холодильник, в котором, кроме банки полусохшей горчицы, не было ничего съестного, Макс сразу полез под холодный душ. Смывая с себя пот и пыль города Степного, он размышлял над тем, куда на этот раз пошлёт его шеф и связано ли новое задание с неудачной поездкой в южный город. Честно говоря, Макс был несколько удивлён, что Карачун столь спешно отозвал его из Степного, не потребовав выяснить обстоятельства смерти профессора. Поручил другому агенту?.. Маловероятно.

Побритый и посвежевший, Макс почувствовал, что снова готов к бою. Есть не стал – в самолёте подали недурной ланч. Оделся и бодрым шагом двинулся к двери. На полпути остановился и, подумав, вернулся к холодильнику, переложил раков из общего отделения в морозильную камеру. На всякий случай...

2. Школьные товарищи

Когда Макс перешагнул порог карачаевского кабинета, часы на стене показывали без двух минут восемь. Основная масса кабинетных работников Бюро ушла домой ещё два часа назад. Но то, что Карачун будет на месте, и будет ждать его, Макс не сомневался ни капельки. Таких придурков, которые в пятницу вечером, да к тому же в разгар дачного сезона, засиживались на работе, в Бюро было немного. Карачун был именно таким.

– Закрывай дверь на хер, – устало приказал полковник.

– Не понял, – Макс дурашливо поморгал. – Дверь можно запереть на замок или на щеколду, подпереть чем-нибудь, в конце концов, но закрыть на хер...

– Не придуривайся, – приструнил Макса Карачун и швырнул в него ключом.

Макс поймал его налету.

Карачун был без галстука и под небольшой дозой «антидепрессанта». Под совсем маленькой дозой, граммов двести – двести пятьдесят, не больше.

– Кофе будешь? – спросил Карачун и встал с кресла, направляясь к сейфу, спрятанному за дубовой дверкой встроенного шкафа.

– Кофе? – удивился Макс. – На ночь-то?

– Ты спать собрался? – вопросом на вопрос ответил Карачун, и обнадежил так, как это мог делать только он: – Не переживай, спать не скоро будешь. Разве что в самолёте вздремнёшь. Но, прежде всего – инструктаж. Инструктаж – прежде всего. Да.

«Какой я предусмотрительный», – подумал Макс, вспомнив о раках.

Карачун тем временем достал из сейфа бутылку водки, отпитуя ровно наполовину, и бутылку кофейного ликера, на дне которой плескалась страшная тёмно-коричневая, похожая на столярную морилку, жидкость. Поставил бутылки на стол и снова засунул руку в сейф. Макс ожидал, что Карачун вытащит какую-нибудь закуску, ну хоть лимон, на худой конец, для ускорения процесса язвобразования, но в руке шефа оказалась тоненькая ядовито-жёлтая, как вышеупомянутый лимон, пластиковая папка.

Папку Карачун щелчком толкнул по столу к Макс, мол, знакомься, а сам занялся приготовлением кофе. Полстакана водки и один бульк кофейного ликера – это в понимании шефа и был настоящий кофе. То, что подавала Карачуну его строгая, средних лет и средней полноты секретарша Леокадия Альбертовна, он называл бурдой, бульоном из негров или просто – говном.

Макс раскрыл папку и увидел фотографию, одну единственную фотографию и больше ничего. На фотографии был запечатлён бородатый мужик лет пятидесяти – пятидесяти с небольшим. Борода у мужика русая, глаза светлые и колючие. Черты лица – обыкновенные, непримечательные. Волосы на голове – редущие и забраны сзади в хвост, или в шишак, не видать. Лицо мужика Макс, чем-то не понравилось. Он перевернул фотографию, подписи не было.

– Помянем Арсена, – сказал Карачун, протягивая Макс, пластиковый стакан с «кофе» и залпом осушил свой. Макс последовал его примеру.

Закурили.

– Это и есть профессор Москаленко? – спросил Макс, держа в руках фотографию бородатого мужика с хвостом. Или с шишаком.

Карачун мотнул головой, и было непонятно: толи это отрицательный жест, толи полковник отгонял надоевшего комара. Кстати, комар имел место быть. Он пищал нудно и зловеще.

– Это другой... профессор. – Карачун внимательно следил за комаром, который не решался пока перейти к решительным действиям, летал поодаль. – Лёшка Вошкулат. Мой школьный товарищ.

– А Москаленко? – спросил Макс.

Карачун молча кивнул. Надо понимать, что и профессор Москаленко тоже был школьным товарищем полковника Карачаева.

Комар оставил полковника и переключился на выцеливание Макса, потому что был голоден, а неподвижный Макс казался ему менее опасным. Дурак! За это и поплатился. Нельзя подлетать к специальному агенту на расстояние вытянутой руки. Макс разжал кулак – на ладони краснело пятнышко крови. Чья кровь? Карачаевская?..

– Мы с ними тридцать шесть лет не виделись, если не считать прошлогодней встречи... Ты должен помнить, наше Бюро принимало участие в обеспечении безопасности симпозиума уфологов в сентябре.

– Я в прошлом сентябре дело псевдовампиров раскручивал.

– Ну и что?

– Нет, я помню, конечно... о симпозиуме. Всё тогда гладко прошло, кажется... Просто я хотел сказать, что не присутствовал при столь значительном событии.

– Вот на этом шабаше мы и встретились. Лёшка, Арсен и Колька – все они, оказывается, в уфологи подались...

– Кто такой Колька? – спросил Макс, но Карачун продолжал, словно не расслышал вопроса.

– Как оказалось, все эти тридцать шесть лет они дружили и сотрудничали. Даже в одном университете трудились. Мы встретились, бухнули, как положено, после симпозиума, телефонами и адресами обменялись. А потом всё забылось. Я никому не звонил и мне никто. До вчерашнего...

– Кто такой Колька? – повторил Макс свой вопрос.

Карачун вздохнул и потянулся за водкой.

– Мне одного кипяточка, если можно, – попросил Макс.

Карачун хмуро глянул на Макса, пожал плечами и добавлять в его стакан кофейного ликера не стал. Зато себе набулькал двойную порцию.

– Колька... – сказал он задумчиво. – С ним мы в школе ближе, чем с остальными были. Николай Бугаев. Бугай... Светку Морозову у меня увёл. На выпускном. Я быковатый был («Это точно, ты и сейчас такой», – подумал Макс), а Колька эдакий... интеллигент. Увёл, мерзавец... А, – Карачун махнул рукой. – Не жалко. Всё равно они потом развелись. Помянем Кольку, – и хлопнул стакан.

– Как? – Макс вытаращил глаза. – И его?

Карачун мотнул головой и закурил.

– Вчера вечером мне позвонил Арсен. Сказал, что Бугаев погиб в автокатастрофе неделю назад. И ещё сказал, что не верит в случайность его гибели. Попросил прислать к нему кого-нибудь головастого (при этих словах Макс удивлённо посмотрел в полковничьи глаза), хотел рассказать о чём-то важном, касающемся находки на Дальнем Востоке.

– Какой находки?

– Он так и сказал: хочу рассказать нечто очень важное, касающееся нашей находки на Дальнем Востоке. А что за находка, хрен её знает. Не сказал...

Макс тоже закурил.

– И что мы имеем? Два трупа. Таинственная находка, о которой никто ничего не знает. Стоп! Почему никто? – Макс взглянул на фото бородатого Лёшки с редкой фамилией Вошкулат.

– Вот именно, – сказал Карачун. – Сегодня вылетаешь в Артём. Из Артёма, минуя Владик – в Собачки. Там филиал Степного университета, где работает Алексей Владимирович Вошкулат.

– Какие-такие Собачки? Я и не слыхивал, что такой населённый пункт существует. Как я туда доберусь?

– Да уж доберись как-нибудь! Если есть такое название, стало быть, и населённый пункт имеется. А раз имеется... то и добраться до него можно. Короче! Инструктаж закончен. Встречаешься с Вошкулатом, сообщаем о случившемся, получаешь информацию и действуешь по обстоятельствам. Вопросы есть?

– Вы считаете, что Вошкулат не в курсе последних событий в Степном? – спросил Макс.

– Вошкулат ничего не знает. Он отбыл из Степного в Собачки за день до автокатастрофы, в которой погиб Бугай. Связи со Степным нет, там вообще нет связи.

– Так не бывает, – возразил Макс.

– То же самое я сказал Арсену, когда он мне позвонил.

– И что?

– Да дичь какая-то! Поля, флуктуации, аномальные зоны... Короче говоря – уфология, чёрт её дери!

Карачун стал прибираться на столе. С сомнением посмотрел на остатки водки и ликёра в бутылках, но всё же убрал бутылки в сейф. Пластиковые стаканчики смял и бросил в корзину для мусора.

– Всё, – сказал он, – пошли. Тебе уже в аэропорт пора.

– А деньги? – удивился Макс.

Карачун поморщился, как от зубной боли, и взглянул на часы, висящие на стене. Макс повернул голову в ту же сторону. Часы показывали половину девятого. Инструктаж вместе с ловлей комара и распитием «кофе» занял тридцать две минуты.

– Касса, наверное, уже закрыта, – задумчиво произнёс Карачун.

– Уже два с половиной часа, как закрыта – грустно отозвался Макс.

Полковник решительно достал из внутреннего кармана пиджака свой выдавший виды бумажник, и, убедившись, что денег в нём недостаточно для поездки подчинённого на Дальний Восток, так же решительно засунул обратно.

– Придумаешь что-нибудь!

– Я и на командировку в Степной денег не брал, – возмутился Макс. – Не успел, как всегда. Что я придумаю?

– Придумаешь! Ты специальный агент или хрен собачий? – рассердился Карачун. – Считай свою поездку тестом на выживаемость. Вернёшься, за всё получишь... – Последняя фраза прозвучала как-то зловеще, даже Карачун это понял, и потому уточнил: – В кассе.

Домой ехать было бесполезно, разве что зубную щётку взять. Денег в доме Макс не хранил (чаще всего по причине их отсутствия), на карточке тоже пусто. Оставалось одно...

– Привет, малыш! – радостно завопил Макс, едва в трубке раздалось привычно-протяжное «Ало-о-у».

– Максик? Ты что, в Москве?

– Проездом, малыш, проездом. Буквально на полчаса. Сугубо ради встречи с тобой тормознулся. – Макс уже выяснил время вылета самолета, забронировал авиабилет, задействовав спецдиспетчера, и рассчитал, что на встречу с «любимой» (итогом этого свидания должна стать добыча денег) у него приходится полчаса, от силы минут сорок.

– Полчаса?.. – обиженно произнесла Альбина. – Я за полчаса даже халатик расстегнуть не успею.

– Успеешь, малыш, успеешь, – обнадежил её Макс. – Я помогу тебе. Честное слово, помогу. Я умею это делать.

– Даже не знаю, – жеманно ворковала девушка, – смогу ли я? И нужно ли мне всё это? Вы, молодой человек, появляетесь так внезапно... так неожиданно...

«Началось», – подумал Макс, пытаясь вставить хоть слово в Альбины монолог, который она произносила всегда, готовясь к сексу. Этот монолог был своего рода прелюдией. Она говорила, говорила и говорила, распаяя себя и как бы исподволь приближаясь к пику сладострастия. Это, конечно, сильно смахивало на извращение, но несколько не мешало и Макс получать удовольствие, даже напротив – упрощало задачу. Мужчин в жизни Альбины хватало, Макс несколько не комплексовал по этому поводу, потому что считал отношения с ней временными и вполне устраивающими обе стороны. Альбина никогда не требовала от Макса каких-либо обещаний и легко переживала частые разлуки, иногда длительные. Тем не менее, Макс знал, что девушка-нимфоманка предпочитает его всем остальным «друзьям». Он даже предполагал, что позвони он ей, когда она будет не одна, Альбина тотчас выпроводит горе-любовника из опочивальни, и будет ждать его, Макса.

И в своих предположениях он был не далёк от истины, Альбина так бы и поступила...

– ...как ураган какой-то, – продолжала девушка, – как стихийное бедствие... А я похожа на щепку, которую этот ураган швыряет из стороны в сторону, то вверх, то вниз...

– Я страшно соскучился, малыш, – вставил Макс, когда Альбина переводила дыхание.

– ...то к небесам, то на землю... Но мне приятно быть щепкой и отдаваться на волю стихии. – Макс представил, как Альбина раскачивается, сидя на низком пуфике, закрыв глаза и облизывая губы.

– И у меня мало времени, – сказал он, дождавшись очередного перевода дыхания.

– ...Делай со мной всё, что захочешь, мой ураган... Бери меня...

– Лечу!

...Они учились в одной школе и сидели за одной партой. Потому что хотели сидеть рядом, а потом, после занятий, вместе идти домой. Это не было любовью. Просто была дружба.

Потом родители Машки переехали на новую квартиру, из Чертанова на Кутузовский, и Машка стала учиться в другой школе. Они легко забыли друг о друге, как это часто бывает, если тебе всего лишь четырнадцать...

Встретились случайно, когда прошло одиннадцать лет. Макс к тому моменту отслужил срочную, отпахал четыре года на земле и уже второй год числился в списках сотрудников Бюро. А Машка стала Альбиной. Она успела сходить замуж, овдоветь и стать хозяйкой модного салона «Альбина» в центре Москвы.

Они сразу узнали друг друга, несмотря на то, что Макс жестоко возмужал, а Машка из невзрачной пигалицы превратилась в роскошную даму – светскую львицу. Они кинулись друг другу в объятия, и, едва соприкоснувшись телами, сразу поняли, что хотят одного и того же, причём вполне конкретного.

– Ко мне? – спросила Машка.

– А куда быстрее?

– Вот мой дом...

У Макса был отпуск, а Машка сама себе хозяйка, поэтому в постели они провели трое суток, пока Макса не нашли и не вызвали в Бюро, отправив в командировку.

С тех пор они с Альбиной и встречались.

В короткие промежутки времени между командировками Макса...

...Альбина была в одном халатике на голое, разгорячённое самоподготовкой тело. Макс не стал терять времени...

Сегодня всё было не так, как обычно: чуть более страстно, чуть менее вдумчиво. Темп задавала Альбина, сегодня она была неутомима и ненасытна. Макс даже опасался, что ему придётся перенести время вылета на более поздний рейс. Но вдруг она успокоилась и зарылась

лицом на подушку, тяжело дыша и впившись ногтями в его грудь. Макс показалось, что Альбина всхлипнула, но, перевернув её на спину и заглянув в лицо, увидел улыбку.

Они курили одну сигарету, поочередно затягиваясь и передавая её друг другу после каждой затяжки. Таков был ритуал.

Спальня была освещена рассеянным светом ламп, замаскированных по периметру высокого потолка и над зеркалом. На сервировочном столике стояло блюдо с виноградом и персиками, бутылка «Хенесси» и хрустальная чаша с подтаявшим льдом.

«Как в импортном кино для впечатлительных домохозяек», – подумал Макс. Он взглянул на часы, которые не снял с руки, когда любил Альбину. Время, отведённое им для встречи с девушкой, истекло, а предстояло ещё решить финансовый вопрос.

– Маш... – Макс затушил окурочок.

– Что, пора?..

– Пора-то пора, но у меня к тебе просьба. Я тут в одну коммерческую операцию ввязался. В авантюру, можно сказать...

– Сколько? – Альбина была деловой женщиной и всегда говорила и действовала конкретно, без ненужной дипломатии, если дело касалось денег.

– Я верну сразу по возвращению. Это дня два, три...

– Сколько? – повторила Альбина.

Макс назвал сумму, которая ему самому казалась значительной, почти громадной, но если взять меньше, могло не хватить, а там, на Дальнем Востоке второй Альбины нет. Да что на Востоке, второй такой...

– В евро? Или в долларах?

– Да ты что? В рублях, естественно.

– А у меня рублей нет. Мне они не к чему. Если тебе всё равно, дам доллары, разменяешь.

– Спасибо, Маш.

– За удовольствие нужно платить, – Альбина вздохнула, вставая с постели и направляясь к сейфу, закрытому картиной, дорогой, но непонятной для восприятия человека, чьё культурное развитие базировалось на классических представлениях о живописи.

Макс любовался холёным крепким и загорелым телом подруги: положение бизнес-вумен обязывало Альбину чутко за ним следить – посещать солярий, массажный и косметический кабинеты, спортивный зал и бассейн.

«Как жаль, что Машка такая богатая», – подумал Макс и стал одеваться. Время, отведённое на любовь, истекло.

Макс уже застегивал молнию на джинсах, когда Альбина подошла к нему, засунула в карман джинсов несколько зелёных бумажек, и, поцеловав в круглый шрам на груди – след от огнестрельного ранения, полученного им ещё в бытность опером, – сказала:

– Здесь за работу и премиальные за то, что эту работу ты выполнил хорошо. Даже отлично.

Макс удивлённо посмотрел на подругу. Так жёстко Машка никогда не шутила. Что-то было не так.

– У тебя неприятности, Маш? – спросил он.

– У меня всё замечательно, – ответила Альбина. – Только не называй меня Машей. Я Альбина. Я забыла имя, которое мне дали родители.

– Хорошо. – Макс чуть не добавил: «Маша».

– Иди...

Уже в дверях он спросил снова:

– У тебя неприятности, – даже не спросил, сказал утвердительно.

– Да с чего ты взял? У меня всё за-ме-ча-тель-но! – и она вытолкнула его из квартиры.

Макс составил свой маршрут в Интернет-кафе, ожидая рейса в Артём. По расчётам, в Собачках он должен оказаться завтрак вечера, точнее, не в Собачках, а в самом близком от Собачек населённом пункте. Название «Собачки» на карте присутствовало, но статус Собачек был не определён – ни город, ни село, ни деревня – непонятно, что. В графе «население» стоял прочерк. И в этих загадочных Собачках, не имеющих статуса и даже населения, функционировал филиал всемирно известного университета.

Интересно... Бугаев. Москаленко. Филиал степного университета. Вошкулат. Собачки... Бюро. Симпозиум уфологов.

Более чем интересно. Угнетало Макса лишь то, что он не понимал, что или кого он ищет...

Уснул Макс не сразу, думал не о предстоящем задании – не давали покоя мысли о странном поведении Альбины.

«У Машки явно какие-то проблемы, – думал он. – Либо с бизнесом, либо со здоровьем, либо с чем-то ещё. А может, не проблемы, может, что-то... Вернусь, нужно разобраться...»

3. Собачки

До Пологих Сопок из самого восточного аэропорта страны Макс доехал на рейсовом автобусе не вечером, как рассчитывал, а почти ночью. Автобус дважды ломался в пути и один раз застрял в размытой дождями колее. Едва выбрались, объединив усилия всех шести пассажиров, трое из которых были женщины. В начале июля на Дальнем Востоке засухи не бывает.

Пологие Сопки, населённый пункт, лежащий на маршруте, конечной точкой которого являлись пресловутые Собачки, был погружён в темноту, разжиженную светом редких уличных фонарей, и тишину, неразжиженную ничем. Искать гостиницу Макс не стал, подозревая, что таковой здесь не имеется – приезжие, по всей вероятности, сюда навевались редко. Сдвинув два ряда пластиковых кресел, связанных в обойму и положив под голову кейс, он уснул крепким молодецким сном.

Утро было хмурым, но без дождя.

Макс вышел из здания автовокзала, массируя бока, которые отлежал на жёстком импровизированном диване, и одновременно разминая шею. На деревянной брусчатой лавочке с изогнутой спинкой (такую лавочку можно теперь встретить, пожалуй, только в Пологих Сопках) сидел седовласый старичок с окладистой бородой. Одет он был весьма примечательно. На нём были серые потёртые кожаные брюки, порванные на бёдрах и застроченные в местах разрывов чёрными, как антрацит, нитками. Поверх сиреневой рубашки, застёгнутой на все пуговицы, накинут модельный пиджак, не самого дешёвого пошива, к тому же находящийся практически в идеальном состоянии. Светло-коричневый, в тонкую белую полоску, он сидел бы безукоризненно, будь у старика плечи шире, а руки – длиннее. На голых ступнях дедушки красовались жёлтые сандалии, а на голове – бейсболка цвета хаки.

– Доброе утро, – дружелюбно улыбнувшись, поздоровался Макс.

Дед сначала посмотрел на солнце, бледным пятном просвечивающее через марево неразрывной пелены серых облаков, потом перевёл взгляд на улыбающегося незнакомца, и загадочно ответил:

– День тоже будет неплохой.

Макс закурил. Вообще-то он редко курил натошак.

– Откуда будете? – поинтересовался старик.

– Из Москвы.

– Ну, и как там она, Москва-то? Стоит?

– А куда она денется, отец? – сказал Макс. – Стоит. На семи холмах. Как ей и положено.

– Ну и славно, – попытожил дед и добавил после недолгого молчания, – ...сын.

Макс понял, что обращение «отец», по сути не обидное, старику почему-то не понравилось.

– Вы меня простите, – сказал он, – я не представился. Меня зовут Максим. Максим Хабаров.

– Хабаров, – повторил старик. – Знатная фамилия. А я Верещак. Иван Трофимович... По делу в наши края? Или так – отдохнуть?

– По делу, Иван Трофимович. Не подскажите, как мне в Собачки попасть? Там филиал нашего университета находится...

– Университет? Ха-ха-ха! – засмеялся Верещак. – Ну, ты уморил, Максим! Ну, ты дал! Это ж надо же – Университет!

– Филиал, – поправил его Макс.

– Да хоть и филиал. Если он в избушке на курьих ножках расположился, тогда оно конечно – филиал. Филиал... Смех, да и только!

Макс терпеливо ожидал, когда закончится взрыв веселья. Он достал из пачки новую сигарету и разминал её в пальцах.

– Ты это, – отсмеявшись, сказал Верещак, пододвигая к себе матерчатую сумку, расшитую бисером, – натошак не кури, вредно. На вот, поклюй лучше.

Старик извлёк из сумки газетный свёрток, и, развернув, протянул Максу бутерброд, по размерам не уступающий знаменитому американскому Биг-Маку. Бутерброд был составлен из двух кусков белого хлеба, между которыми розово-сочной нагло выглядывали толстые пласты красной рыбы.

Макс не заставил себя упрашивать.

– Спасибо, – последние звуки слова благодарности увязли в начинке бутерброда.

– Моя в дорогу собирала, перестаралась. Мне столько не съесть. – Верещак тщательно упаковал сверток и убрал в сумку. – К дочке еду, во Владик. Зубы хочу новые сделать, – он с завистью посмотрел, как Макс расправляется с бутербродом. – Ты-то, вон оно как! Зубки то, небось, все свои?

– Тридцать два, – объявил Макс, проглатывая последние крошки. – Рыба – прелесть! Сами коптили?

– А то! – вскинул седую бороду Верещак. – Не в сельпо же покупать. Да и нет в сельпо такой рыбёхи.

– Это точно, – кивнул Макс, – в наших московских сельпо тоже ничего подобного не продаётся... Так как мне в Собачки добраться всё-таки? На чём?

Верещак внимательно осмотрел Макса с головы до ног.

– А вот, – сказал, кивая на его кроссовки, – на них.

– То есть, пешком, – догадался Макс.

– Ага, пёхом. Вон тропинку видишь? – Верещак указал на едва заметную, заросшую травой и подорожником тропу, бывшую когда-то грунтовой дорогой. – Она между сопки идёт, километров десять до Собачек, однако. А то и все двенадцать.

Макс с тоской посмотрел вдаль.

– Туда теперь транспорт не ходит, – продолжал Верещак. – Да и не ходил никогда. Два года назад в Собачках метеостанция базировалась, так туда раз в неделю бобик бегал, метеорологический. Ну, там, продукты, медикаменты разные привозились. А когда зелень эта объявилась, так метеорологи из Собачек съехали. Забздели.

– Какая зелень? – не понял Макс.

– Как, какая? Инопланетяне. Зелёные человечки, мать их душу. На своих тарелках.

– И что? Вы этих инопланетян видели?

– А то, – подтвердил Верещак наихудшие опасения Макса. – Один ихний у нас в Пологих Сопках жил, правда, недолго. Помер. Зелёный, как лук.

– И куда он делся?

– Я же сказал: помер.

– А труп?

– Похоронили, знамо дело.

Макс сел на скамейку, рядом с дедом. Дело из загадочного превращалось в невероятное.

«Еще инопланетян мне не хватало!» – мысленно усмехнулся спецгент.

– Так что, я тебе в Собачки идти не советую. Дурное это место. Да и нет там никого. Никакого филиала.

– А другая дорога в Собачки есть?

– По земле нет. Но вертушки, бывает, летают. Откуда-то с севера. Либо с Уссурийска, либо ещё откуда... Ну, мне пора. Вон автобус идёт... Бывай.

Автобус был маленький, корейский – тот самый, на котором Макс сегодняшней ночью прибыл в Пологие Сопки. Он лихо развернулся на привокзальной площади, и водитель открыл

переднюю дверь, приглашая на борт единственного пассажира. Ступив на подножку, Верещак обернулся и сказал:

– А этого инопланетянина потом выкопали. Через месяц примерно. Утром на кладбище как-то прихожу – могила разрыта, а гроб пустой. А, может, сам откопался...

«Конечно, сам. Они, зелёные человечки, всегда сами из могил откапываются» – хотел пошутить Макс, но почему-то промолчал.

Дорога до Собачек оказалась не такой длинной, как пугал Верещак – километров семь, не больше, и идти по ней было легко. Травы на глиняно-гравийной грунтовке росло немного, а иногда попадались совершенно лысые участки. Зелёные сопки слева и справа от Макса полого круглились и казались ровно подстриженными полями для гольфа, вполне подходящими и для посадок космических кораблей пришельцев. Но летающих тарелок на сопках и над ними не наблюдалось. А наблюдался вполне земного вида вертолёт, который взмыл в небо из-за ближайшего пригорка и умчался куда-то на север. Солнце прорвало-таки пелену облаков и ярко освещало сопки и улетающий вертолёт.

Деревянное щитовое здание бывшей метеостанции возникло внезапно, вынырнув из-за поворота дороги. О том, что здесь когда-то жили метеорологи, и пытались предсказывать погоду, говорила высокая ажурная вышка с раздутым полосатым сачком на шпиле и вышки поменьше, с лесенками, доходящими до кабинок с метеоприборами. Издали здание казалось пустым и заброшенным.

Макс поднялся на крыльцо и с минуту постоял у двери, прислушиваясь. Он разобрал лёгкие шорохи, вздохи и учащённое дыхание. Эти звуки Макс идентифицировал как некое интимное действие, поэтому не стал открывать дверь, не предупредив о своём визите, а постучал в неё. Звуки затихли, но никто не сказал: «войдите, пожалуйста». Тогда Макс толкнул дверь и вошёл без приглашения.

На широкой лежанке, стоящей у дальней стены, сидели двое – мужчина и женщина. Женщина приводила в порядок комбинезон. Мужчина оказался совершенно не похожим на Вошкулату, во всяком случае, он был моложе Алексея Владимировича лет на тридцать и бороды не носил. Оба глядели на Макса удивлённо, они явно не ожидали появления кого бы то ни было. Губы у обоих были красными, особенно у женщины.

– Как говориться, картина Репина «Не ждали», – сказал Макс, не поздоровавшись. – А где господин Вошкулат?

– А вы кто такой? – женщина пришла в себя раньше приятеля. Женщины, надо отдать им должное, всегда в таких случаях раньше мужчин берут себя в руки.

Она была молода, лет двадцати, возможно, чуть старше, и довольно смазлива. Припухлость губ, отчасти врождённая, отчасти приобретённая в течение последних минут пятнадцати, добавляла её облику определённую пикантность, а блеск в глазах делал её почти красавицей. Всё дело портил свободный комбинезон, который скрадывал нежные изгибы тела, и делал его обладательницу похожей на танкистку; шлемофона не хватало.

Макс решил не шифроваться, полагая, что в данной местности его удостоверение не вызовет никакой негативной реакции, напротив, поможет быстрее решить проблему.

– Капитан Хабаров Максим Игоревич, – представился он. – Бюро специальных расследований.

Чёрная книжица с золотым гербом впечатление произвела. Молодой человек поднялся с лежанки и обрел дар речи.

– Мы только что прибыли на точку, – оправдываясь, произнёс он. – Ещё даже вещи упаковать не успели, – и кивнул на гору картонных коробок у двери.

– Повторяю вопрос, – сказал Макс строго. – Где господин Вошкулат?

– Когда мы прибыли, Алексея Владимировича не было здесь, – подала голос девушка. – Думаю, он где-то в зоне. Возможно, в центральном схроне, он там чаще всего бывает, но может быть где угодно.

Макс присел за стол, забросив ногу на ногу, и сунул в рот сигарету. Девушка услужливо придвинула ему половинку раковины морского гребешка, служащую пепельницей, и расположилась напротив. Её приятель сел во главе стола на правах старшего, и изобразил на лице готовность отвечать на вопросы человека, работающего на правительство.

– Что такое центральный схрон? Где он находится? Когда Вошкулат туда ушёл? Зачем? Когда вернётся? И кто вы такие? – Макс решил не тянуть резину и получить максимальное количество ответов на свои вопросы в самое короткое время.

Выяснилось, что вся территория, отведённая Степному университету Российской Академией Наук для уфологических исследований (около ста квадратных километров), именуемая зоной аномальных явлений, разбита на квадраты. В каждом квадрате оборудованы некие схроны, в которых можно, в случае надобности, переночевать или просто отдохнуть. Кроме функции временного пристанища, схроны играют роль полевых лабораторий, где имеется необходимый набор самодельных уфологических приборов и инструментов. Часть приборов работает в режиме самописцев, фиксируя все изменения в напряжённости электрических, биоэнергетических и каких-то ещё неведомых Макс полей.

Вошкулат два раза в месяц совершал плановый обход схронов, для считывания информации с самописцев и для переналадки оборудования. Иногда он уходил в зону, когда того требовали обстоятельства – если в атмосфере возникали световые сполохи, похожие на северное сияние, или над сопками начиналась пляска огненных шаров. Такие явления были предвестниками событий, ради которых и существовал филиал Степного университета в Собачках: либо открытие временного коридора, либо ноль-пространственного тоннеля, либо следовало ожидать появления гостей из космоса.

– Стоп, – сказал Макс и крепко зажмурился. Потом снова открыл глаза и увидел, что молодые люди (Антон и Лиза, аспиранты Степного университета) по-прежнему сидят перед ним и выглядят абсолютно серьёзными. – Связаться с ним можно?

– Связь в пределах зоны не работает, – ответил Антон. – Но мы можем подать сигнал, и если Алексей Владимирович его увидит, он ответит.

Антон открыл металлический оружейный ящик и извлёк ракетницу. Он вышел на крыльцо в сопровождении Макса и выпустил в воздух зелёную ракету. Подождали несколько минут, ответа из тайги не последовало. Парень выстрелил ещё раз, а через некоторое время выпустил третью ракету. Безрезультатно. Небо оставалось бледно-голубым и чистым – ни огоньков летающих тарелок, ни ответных ракет.

– Может быть, спит? – предположил Антон. – Или просто не видит?

– Может быть, – согласился Макс, хотя его интуиция и опыт в унисон бубнили о том, что встретиться с Вошкойлатом ему не суждено. По крайней мере – здесь, в Собачках. – А когда он ушёл, определить можно?

– Если оставил видеосообщение... – Антон повернулся к двери.

Они вернулись в комнату. Лиза уже включила компьютер.

На мониторе возникло знакомое Макс по фотографии лицо Алексея Владимировича Вошкулата. Сверху справа мерцала дата – пятое июля сего года. И точное время – восемь сорок.

– Привет Антон, здравствуй Лизавета, – вещал Вошкулат. – Сегодня ночью я наблюдал над центральной сопкой пляску плазменных шаров... Учитывая расстояние, я определил максимальный диаметр шаров в полтора метра. Очень активные. И цвет необычный – сиреневый. Схожу туда, пожалуй... Вы должны сегодня к вечеру прибыть. Располагайтесь. Готовьте оборудование к возможному контакту. Если не возникнет проблем, буду на точке завтра утром. Всё, ребята, до встречи.

– Точка, это то место, где мы находимся? – на всякий случай уточнил Макс и, получив утвердительный ответ, посчитал: – Запись от пятого, вернуться Вошкулат обещал шестого утром, сегодня седьмое, утро. Задержка на сутки – дело обычное?

Макс взглянул на молодых аспирантов и увидел на их лицах тревогу. Интуиция и опыт снова дружно вякнули. «Цыц» – мысленно прикрикнул на них специальный агент.

– Вы, господа уфологи, должны были прибыть на точку пятого вечером, а прибыли только сегодня утром. Почему? – жёстко спросил он.

– В нашем университете ЧП, – сказал Антон. – Убили профессора Москаленко. Милиция всё вверх дном перевернула. Лаборатории почти все закрыты. Планы научных работ сбиты. График исследований и опытов – кошкам под хвост. Никому нельзя было отлучаться из города, пока преступника не найдут.

– Вас отпустили, стало быть, нашли?

– Нашли... – Ответ Антона прозвучал как-то грустно.

– И кто?

– Доцент Шутов.

Один из посетителей Серёгиного пивбара как в воду глядел.

– Ну что? – спросил Макс. – Будем организовывать поиски?

Аспирант Антон закивал головой. Аспирантка Лиза, припухлость губ которой стала потихоньку спадать, сказала:

– Думаю, что к центральному схрону пойдём мы с Максимом Игоревичем. Не спорь, Антон, у меня больше опыта в контактах с внеземным разумом. Я бывала в Пермской и Арзамасской аномальных зонах. И здесь я уже второй сезон.

– Я не хуже тебя владею методиками контактов. Кроме того, там, куда ушёл Алексей Владимирович, может быть опасно, – возражал Антон.

– И всё-таки пойду я. Неведомое для мужчин не менее опасно, чем для женщин.

– Лиза! Я, как старший...

– А кто тебя назначал старшим?

– Стоп! – Макс решительно прервал их спор. – Старший здесь я. Как представитель органов власти и как более опытный и зрелый человек. Со мной пойдёт Лиза. – Краем глаза Макс заметил, что девушка показала Антону язык. – И объясняется это очень просто, – он строго посмотрел на обоих. – Я ТАК РЕШИЛ.

Было видно, что Антону явно есть что возразить, но он промолчал.

– Оружие на точке имеется? – Макс спросил для проформы, в оружейном ящике он заметил вертикалку.

– Дробовик шестнадцатого калибра, – угрюмо сказал Антон.

– Тогда ракетницу отдай Лизе. Всё! Времени терять не будем. До центрального схрона далеко?

– Пять с половиной километров, – доложила Лизавета.

– Вперёд! – скомандовал Макс, и, обернувшись к Антону, добавил: – Если к утру не вернёмся, иди в Пологие Сопки и поднимай тревогу.

Схрон оказался самой обыкновенной землянкой с узкой лежанкой и столом, заваленным приборами, о назначении которых Макс даже не пытался догадаться. В землянке никого не оказалось, и определить – был ли кто-то в ней некоторое время назад, тоже было невозможно: ни окурков, ни остатков пищи. Макс тщательно осмотрел землянку и место вокруг неё, предоставив Лизе заниматься приборами.

Метрах в пятидесяти от землянки Макс обнаружил большую поляну, в центре которой чётко прорисовывалось круглое бурое пятно пожухлой, местами сгоревшей, травы. Макс

поползал по пятну на четвереньках, но ничего существенного не нашёл, а точнее, не нашёл вообще ничего. Взяв образцы почвы и травы из круга и вне его, он вернулся к Лизе.

– Странно, – задумчиво говорила девушка, мило оттопырив нижнюю губку. – Очень странно...

– Что-то нашла?

– Кое-что. То есть, ничего. То есть совершенно ничего, никаких записей. Слово самописцы отключились, или их отключил кто-то.

– Время отключения определить можно? – спросил Макс.

– С точностью до секунды, – кивнула Лиза.

– И...

– Ровно двенадцать часов дня, пятое июля. Это странно...

– Да? Странно, говоришь... Пошли, покажу ещё одну странность, – Макс взял девушку за руку, рука была тёплой и мягкой.

Он отвел Лизу к поляне с бурой плешью.

– Да, это они. – аспирантка-уфолог посмотрела на Макса снизу вверх.

– Кто?

– Инопланетяне.

– Класс! – констатировал Макс. – День только начался, а впечатлений – выше крыши. – И мрачно подумал: – «Нужно звонить в Москву. Карачун будет просто в восторге».

Макс не ошибся: Карачун был в полном восторге, ведь в Москве сейчас раннее воскресное утро – семь тридцать одна.

– Какого хрена надо?!

Хорошее начало разговора.

– Шеф, – радостно закричал в трубку Макс, – как приятно снова слышать речь реального человека! Вы себе не представляете, каково общаться с придурками.

– Ты кого имеешь в виду?

– Ну, этих... уфологов.

– Почему это – не представляю? – возразил Карачун. – Короче: что там у тебя?

– Клиента умыкнули инопланетяне.

– Можно без сленга.

– А я и говорю без сленга.

– Подробно.

Макс подробно изложил ситуацию исчезновения школьного товарища шефа и попросил дальнейших указаний.

Карачун долго сопел в трубку, потом выпалил:

– Свяжись с местным отделением БСР. Пусть организуют прочёсывание зоны. Дождись результатов и возвращайся. Всё!

«Ага, – подумал Макс. – По-видимому, я лишил Карачуна его законного выходного»

– А что делать аспирантам?

– А тебе не один хер?

– Резонно.

Прочёсывание местности ничего не дало. Ни Вошкулата, ни его труп в зоне аномальных явлений обнаружено не было. Алексей Владимирович исчез бесследно.

4. Следы ведут в Лурпак

Полковник Карачаев, несмотря на поздний вечер, был трезвее новорождённого. И, тем не менее, задал вопрос, который Макс никак не ожидал услышать из уст трезвого человека.

– Во что был одет инопланетянин?

– Какой инопланетянин? – Макс даже опешил.

– Их там что, несколько было? – спокойно спросил Карачун.

– А-а-а, – догадался Макс, – тот, про которого Верешак рассказывал? Вы что, господин полковник, верите в эту чушь?

– Анатолий Сергеевич.

– Что? – не понял Макс.

– Я разрешаю тебе называть себя по имени-отчеству, когда мы не на службе, – пояснил Карачун.

– Мы с вами, Анатолий Сергеевич, всегда на службе! – бодро отреагировал спецгент Хабаров.

Макс вернулся в Москву поздно вечером во вторник, девятого июля. Полковник Карачаев уже ушёл с работы, и после звонка Макса из аэропорта пригласил его к себе домой.

– Супруга уехала... к маме в Новосибирск. Так что, угощать мне тебя особо нечем. Чай? Кофе?

– Только не кофе, – слишком поспешно ответил Макс.

Карачун усмехнулся:

– Хорошо, помянем Лешку Вошкулата чаем.

– Тело вашего товарища не найдено, – заметил спецгент.

– Так я и предлагаю чай, – резонно ответил полковник.

– Инопланетянином я этот объект назвал условно. – Карачун размешивал сахар в стакане с чаем осторожно, стараясь не задевать ложечкой о стенки. – Так во что он был одет?

– Простите, господин полковник... – Макс поперхнулся. – Простите, Анатолий Сергеевич, я счёл этот эпизод несущественным, брехнёй, проще говоря, и не стал проводить расследование.

– Не я ли тебя учил, что любую информацию нужно не только фиксировать, но и проверять? И что в нашем деле несущественного не бывает?

– Вы, Анатолий Сергеевич!

Карачун отхлебнул горячего чая, поморщился, и с тоской посмотрел на стоящий в углу кухоньки холодильник, в котором, наверняка имелось всё необходимое для приготовления стаканчика крепкого ароматного «кофе».

– Так что же ты делал двое суток, пока наши дальневосточные коллеги прочёсывали сопки? Бамбук курил?

– В Приморье бамбук не растёт, – возразил Макс. – По крайней мере, в тех местах, куда вы меня заслали.

– Не заслал, а отправил с ответственным заданием. Ты на вопрос ответь.

– Принимал посильное участие в поисках вашего школьного товарища, – соврал Макс, не моргнув глазом.

На самом деле он двое суток трахал Лизоньку, замещая улетевшего за подмогой Антона. В той самой землянке, положение вещей и приборов в которой нужно было обязательно сохранить до прибытия основных уфологических сил в полной неприкосновенности. Оказалось, что секс Лизе нравится, пожалуй, не меньше уфологии. Несмотря на свою молодость, она знала и

умела многое. Макс даже подозревал, что подобного опыта у Лизы в её двадцать с небольшим было больше, чем у него в его двадцать с большим.

– Посильное, – хмыкнул Карачун. – Прокол, Макс. Это называется: прокол. Но убивать тебя за него я не буду. Я и сам допустил много проколов в этом деле.

– Вы имеете в виду смерть профессора Москаленко?

– Нет. Предотвратить его смерть мы бы всё равно не успели. А вот с Вошкулатом... Арсен ведь намекнул мне, что дело касается находки на Дальнем Востоке. Нужно было тебя в Степной, а кого-нибудь – в Собачки отправить. Может быть, тогда и Вошкулат никуда бы не делся.

– Ошибочка, господин полковник, то есть, Анатолий Сергеевич. Если бы этот «кто-нибудь» вылетел в Собачки одновременно с моим вылетом в Степной, то добрался бы до места, учитывая разницу во времени, только к вечеру пятого июля. И это в лучшем случае. Приплюсуйте сюда полное незнание маршрута, возможные задержки рейса на Артём, поломки маршрутного автобуса. А Вошкулат исчез пятого в полдень. Или утром. На таймере видеописьма стояло восемь пятнадцать, am.

Карачун почесал щетинистый подбородок и задумчиво произнёс:

– Где же вы теперь, друзья однополчане?.. – и в упор посмотрел на Макса: – Ты диск с видеописьмом Вошкулата изъяс?

– Само собой.

– Молодец. Завтра его и пакетики с образцами в лабораторию. Прямо с утра. А сейчас по порядку. Что мы имеем в деле?

– Два мёртвых профессора и один исчезнувший, – поторопился с ответом Макс.

– Хронологически, – жёстко приказал Карачун.

– Несчастный случай с профессором Бугаевым.

– Или убийство, замаскированное под автокатастрофу. Скорее всего, убийство. Я вчера в Степном побывал. Дела Бугаева и Москаленко объединили в одно, и занимается им Стас Сокольский, ты его должен знать.

– Естественно, я его знаю. На полицейских курсах в одной группе обучались. Но он же опером был.

– Был. Теперь следак. И неплохой, между прочим. Много чего интересного нарыл. Например, то, что «Лексус» Бугаева за день до аварии вышел с СТО в идеальном техническом состоянии и никак не мог заглохнуть на том злосчастном переезде. Техническая экспертиза предполагает то же самое. Кроме того, на плече Бугаева зафиксирован след от внутримышечной инъекции. Правда, ни яда, ни снотворного, ни какой иной дряни, которой можно человека обездвижить или обезволить, в крови Колькиной патологоанатомы не обнаружили. Зато обнаружили в крови и костях кое-что, чего там быть в принципе не должно. Интересный факт: в крови и костях Арсена также найден этот элемент.

– И что же это за элемент.

– А сколько их в таблице у Менделеева?

– Сто одиннадцать, кажется...

– Так вот, если тебе кажется правильно, то для этого элемента можно смело рисовать сто двенадцатую ячейку. Атомная масса – двести восемьдесят три с копейками, почти, как у урана, только наоборот: у урана двести тридцать восемь. Но не уран, разумеется.

– О, как! – удивился Макс, не имеющий никакого понятия, каков атомный вес урана.

– Ага. Но на теле Арсена ни одного следа инъекций не обнаружено. Он, Арсен, вообще здоровый был, как конь.

– А его каким образом?..

– Выстрел в голову, в затылок. Гранкер, скорей всего. Пластиковый, на один выстрел. Такие только в Лурпаке производили до двадцать восьмого года.

– Да и сейчас производят, думаю... Я слышал, убийцу уже взяли.

– Взяли сдуру, да уже выпустили. Там, в Степном, не все такие, как Сокольский. Есть и другие – выскочки и карьеристы. Придурки, одним словом. Проявил один такой придурок инициативу... А ты где успел узнать про Шутова?

– Аспиранты поведали.

– А-а, ну да. – Карачун кивнул и продолжил: – У доцента, видите ли, алиби не оказалось. У всех алиби – жёны, дети, друзья, а доцент Шутов – парень холостой. Ни жены, ни детей. Только любовница, имя которой из этических соображений доцент, естественно, назвать отказался. Его за это в обезьянник... Коллеги, опять же, подсобили, как могли, от всей широты российской души. Обосрали бедного доцента с ног до головы. Хорошо, Сокольский вмешался: отмёл ложные факты, наветы, вычислил любовницу, аспирантку малолетнюю (Максу вдруг очень захотелось узнать имя малолетней аспирантки). Та, слегка поломавшись, призналась, что в ту ночь, когда Арсена застрелили, Шутов драл её, как сидорову козу. В десять вечера начал и к утру закончил.

– Гигант, – с завистью в голосе произнёс Макс и полюбопытствовал – А что за аспирантка?

– Тебе фамилию, что ли назвать? – удивился Карачун заинтересованности Макса, но вдруг захохотал: – У неё и фамилия подходящая – Дралова. Олеся. Вундеркиндша. Восемнадцати ещё нет, а уже аспирантка... – Отвлеклись. Карачун закурил. – Следующий в списке?

– Вошкулат. Исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Предположительно отправился в гости к зелёным, как лук, человечкам.

Карачун не выдержал. Он рывком поднялся с табуретки, подошёл к холодильнику и извлёк на свет стоваттной лампочки бутылку водки и бутылку импортного кофейного ликера.

– В исчезновении Вошкулата, – сказал Карачун, с треском свинчивая пробки с бутылок, – кроется разгадка всех тайн. Я так думаю. Кофе хочешь?.. Ну, как хочешь. А я, пожалуй... – Карачун набулькал порцию и с удовольствием выпил. Причмокнул и продолжил: – Как тебе известно из детективной литературы и личного опыта расследований, исчезает, как правило, ключевая фигура. То, что его исчезновение связано как-то с гибелью Бугаева и Москаленко, лично у меня сомнений нет. В это воскресенье, как только ты позвонил мне из Собачек, я предпринял кое-какие действия по составлению досье на профессора кафедры биоэнергетических исследований Степного университета, доктора всевозможных наук Вошкулата Алексея Владимировича.

Карачун встал и вышел из кухни, вернулся через минуту с диском, упакованным в бумажный конвертик.

– Изучи, завтра поговорим, – сказал он, вручая диск Макс.

Макс посмотрел на циферблат ручных часов: обе стрелки приближались к двенадцати.

– Там немного, – успокоил его полковник, – сто с небольшим страниц. Быстрому усваиванию информации тебя учили. На утро не откладывай, может быть, за ночь что-то дельное в голову придёт. Сейчас тебя грузить своими выводами не буду, дабы исключить элемент зомбирования. Версий не жду, только направления поисков дополнительной информации.

Макс решил, что посмотрит диск утром. На Альбинином компьютере.

– Я пошёл? – спросил он разрешения.

– Иди. Только ты это... не увлекайся мистикой разной. Реально смотри на происшедшее.

– А это не зомбирование моего нежного, не искалеченного полтергейстом сознания? – Макс был уже в прихожей.

– Завтра с утра в лабораторию, в девять тридцать ко мне, – напомнил Карачун и вытолкал молодого человека за дверь.

Альбина взяла трубку сразу, словно сидела возле своего шикарного, стилизованного под старину, телефона. Или только что положила, закончив предыдущий разговор.

– Ало-о-у?

– Привет. Ты ещё не спишь? – совершенно идиотский вопрос, но что поделаться – что сказал, то сказал.

– Сплю, коль слышу твой голос. – Обида. Непритворная обида. – Как бизнес? – Сказано настолько сухо, что у Макса стало горько во рту. Сказано просто так, чтобы что-то сказать. Альбину совершенно не интересовал в эту минуту вопрос о его бизнесе. Да она и не была дурочкой; никогда не спрашивала о том, где работает её любовник, но зато знала совершенно точно, что Макс и коммерция – вещи несовместимые.

– Великолепно! – Макс попробовал проглотить горький комок. – Дивиденды получу завтра. И сразу же верну долг.

– Боюсь, не вернёшь...

– Напрасно боишься. Никто не может упрекнуть меня в том, что я не возвращаю свои долги. – Макс произнёс эти слова тоном человека, оскорблённого недоверием до глубины души.

– В твоей порядочности я нисколько не сомневаюсь. Я улетаю сегодня ночью... Через четыре с половиной часа вылет.

– Далеко?

– Далеко.

– И всё же, куда?

– В Лурпак.

– Когда вернёшься?

– Не знаю.

– Альбина! – Макс испугался, что она сейчас повесит трубку.

– Что?

– Мне не нравится, как мы разговариваем с тобой сейчас.

– Мне тоже... Извини.

– Я приеду?

– Зачем?

– Поговорить.

– Зачем?

– Альбина!

– Что?

– Я сейчас приеду, Машка!

– Нет. Не приезжай, Максим. Не нужно. Я не хочу.

Максим долго вслушивался в короткие гудки. Хотел набрать снова Машкин номер, но передумал.

«Надо полагать, в наших с Машкой отношениях наступил некий перерыв, – подумал он. – Может, это и к лучшему?..»

В квартире Макса было, как всегда, пусто, тихо и душно. Макс распахнул окна и с улицы в комнату ворвался свист припозднившегося троллейбуса и прохладный ночной воздух, надувший парусами тонкие шторы.

Спать не хотелось, выспался в самолёте. Когда Макс укладывал мёрзлых раков на блюдо, чтобы засунуть в микроволновку, раки весело гремели панцирями. Перед поздним ужином Макс решил заглянуть в досье Вошкулата.

Вначале он лениво прокручивал колёсико мышки, бегло просматривая основные этапы жизни и научной карьеры профессора, но, когда добрался до событий двухлетней давности, стал ощущать острый интерес к его персоне.

Вошкулат оказался человеком странным, противоречивым и каким-то... скользким. Выяснилось, что он никогда не увлекался уфологией, даже напротив, был её ярким разоблачителем и первым оппонентом в любом споре с представителями этой лженауки, как он её называл. А ещё он называл уфологию опиумом для слабонервных и мыльной оперой для тех, кому хочется ходить в дураках. Он вообще не был сдержан в эпитетах, называл уфологов бездельниками, паразитами и даже шизофрениками от науки. Таких убеждений Вошкулат придерживался до определённого момента, а точнее, до третьего августа позапрошлого года.

В тот день в Крафте, университетском пригороде Айзенбурга, столицы Лурпака, проходил симпозиум уфологов. В неформальную группу скептиков входил и Алексей Владимирович. Более того, именно он должен был выступить с разгромным докладом, который тщательно готовился всеми участниками вышеназванной группы. На симпозиуме произошла сенсация: Вошкулат, не поставив в известность никого из коллег, от доклада отказался, сорвав тем самым разгром уфологов. Под негодующие взгляды коллег и торжествующие взгляды противников, Алексей Владимирович покинул Крафт и вернулся в Россию, а, вернувшись, стал, ни с того, ни с сего, убеждённым уфологом. Казалось бы: ну, чего странного? Человек поменял убеждения, такое случается. И довольно часто. Но принимать на веру искренность учёного Максу не хотелось, мешала стремительность перерождения.

Облачившись в одежды уфолога, и издав пару монографий на эту тему, Вошкулат за очень короткий срок, примерно за год, становится едва ли не самым известным уфологом в России и большим специалистом по зонам аномальных явлений. По приглашению одного из университетов в Крафте выезжает туда с курсом лекций по методикам исследований аномальных зон. Вернувшись из Лурпака, увольняется с прежнего места работы. Нет, сначала идёт в отпуск, и целый месяц проводит неизвестно где. Данных о его местопребывании за период отпуска нет. Через месяц снова вылетает в Лурпак, оставив в отделе кадров НИИ геологии и геофизики заявление об увольнении. Цель поездки в Лурпак неизвестна. В Лурпаке на этот раз задерживается всего лишь на три дня, а, вернувшись, едет в город Степной, где находится университет, который по роду научной деятельности имеет резкий крен в сторону уфологии, и в котором работают его школьные друзья – Москаленко и Бугаев. Москаленко – зав кафедрой уфологии, Бугаев преподаватель той же кафедры. Они предлагают ему занять вакантное место заведующего кафедрой биоэнергетических исследований. Вошкулат принимает предложение и с ходу принимается за лоббирование интересов университета по передаче зоны пресловутых Собачек под полигон уфологических исследований Степного университета. Это ему удастся легко – благо, территория небольшая и никому не нужная. Далековато от Степного? Ну и что? Середина двадцать первого века! Расстояния – категория относительная...

За последний год в Лурпак не летал ни разу.

Лурпак! Что-то слишком часто название этого государства стало звучать в жизни Макса.

Транкер, производства Лурпака.

Симпозиум уфологов в Лурпаке.

Поездки Вошкулата в Лурпак по делу и без оного.

Альбина сегодня улетает в Лурпак. Альбина...

Макс посмотрел на часы – четыре часа тридцать минут. Альбинин самолет уже на рулёжке. Через несколько минут он взмлет в ночное небо и унесёт благополучную Альбину в Лурпак к ещё более благополучным жителям этого чужого и крайне благополучного государства.

Макс выключил компьютер и упал на тахту.

«Спать! Спать», – приказал он себе.

И уснул.

5. Старший брат

– Карачун сказал: «Передай Гоше, что если пояснительной записки по всем образцам не будет к обеду, то он поспособствует твоему переводу в патологоанатомы. Благо, твое образование осуществлению этого перевода не мешает».

– Шустрый какой! – позавидовал Гоша непонятно кому: либо полковнику Карачаеву, имеющему полное представление о сроках проведения подобных экспертиз, либо Макс, решившему в шутку попугать эксперта. – Что ещё он сказал?

Давить на Гошу бесполезно, это знали все сотрудники Бюро. Гоша был асом в своём деле, и прекрасно осознавал, что он ас. Другого такого эксперта найти трудно, если вообще возможно. Даже старшие братья из ФАЭТ (Федеральное Агентство Эффективных Технологий) завидовали директору Бюро и неоднократно пытались переманить Гошу к себе. Но Гоша был не только асом, но и фанатиком, трудоголиком, работающим не для того, чтобы жить, а живущим для того, чтобы работать. В Бюро были созданы для этого все условия. Зарплата не очень, зато работы – вагон. Да какой работы! Специальные и секретные агенты Бюро, коих было достаточное количество, разъезжали по стране, выискивали всякую бяку и привозили Гоше из командировок такие загадки и шарады что эксперт только хрюкал от удовольствия.

Гоша безосновательно считал, что в ФАЭТе ему будет скучно. А если начистоту – Гоша был жутко ленив и инертен, только не в отношении работы, а в отношении всего того, что касалось построения собственной карьеры.

– Больше ничего не сказал. Только это.

Гоша посмотрел на Макса через толстые линзы очков почти с любовью, и хрюкнул, что у него означало смех.

– Ну, показывай: что там у тебя?

Макс протянул Гоше пакет. Гоша вытряхнул содержимое пакета на стол и стал раскладывать пасьянс из пакетиков. Диск отодвинул в сторону.

– Откуда образцы?

– С места предполагаемой стоянки летающей тарелки.

– НЛО, понятно... Дело обычное. Фотографии места стоянки сделал?

Макс протянул Гоше сотовый.

– Ты чего это, даже не удосужился фотки на флешку закинуть? – удивлённо воззрился на него эксперт.

– Не поверишь, Гоша, некогда было.

– Ну-ну... – Гоша подключил телефон к компьютеру, скачал информацию и вернул Макс.

– Что хочешь получить с диска?

– Всё.

– Понятно. Вечерком загляни. Если раньше сделаю, сам тебя найду.

– Спасибо, Гоша! Ты...

– Сам знаю.

Леокадия Альбертовна жестом остановила Макса, едва его широкоплечая фигура возникла в проёме входной двери.

– У Анатолия Сергеевича посетитель, – сухо сказала она.

Макс посмотрел на часы: девять двадцать девять, он пришёл на минуту раньше. Макс раскрыл объятия и двинулся на Леокадию Альбертовну, имитируя крайнюю степень сексуального порыва, но наткнулся на выставленные вперёд ладони.

– Простите, дорогая Леокадия Альбертовна, что я вот так, по-простому, без цветов, – произнёс он извиняющимся тоном. – Поиздержался в командировке.

– Сядь, Хабаров, не мельтеши перед глазами, – предложила гостеприимная Леокадия, указывая на стулья, выстроенные в ряд напротив кабинета шефа. – У меня сегодня голова побаливает с самого утра. Мигрень.

Макс бухнулся на стул.

– Что-то тебя долго не было видно, – сказала Леокадия.

– Да дела всё, – посетовал Макс. – То фуршет, то презентация. А кто у Карачуна?

Леокадия пожалла круглыми сдобными плечами:

– Мужчина. Серьёзный такой.

Зазвонил внутренний. Леокадия нажала кнопку громкой связи.

– Хабаров где? – Карачун был конкретен, как всегда.

– Здесь, в приёмной.

– Пусть зайдёт.

Макс подмигнул секретарше и вошёл в Карачаевский кабинет.

В кабинете витал лёгкий ненавязчивый запах дорогого парфюма и хорошего табака. Посетителю полковника Карачаева было на вид лет тридцать пять – тридцать шесть, но его коротко стриженные, уложенные в красивую причёску волосы были совершенно седыми. Или мужчина был альбиносом. Он сидел спиной к двери, и, когда Макс вошёл, повернулся и посмотрел на Макса так, как смотрят профессионалы – внимательно и оценивающе быстро зафиксировав облик в памяти.

Макс ответил аналогичным взглядом и так же профессионально запомнил черты незнакомца: серые глаза, высокий лоб, прямой аристократический нос, лёгкая ироничная улыбка на бледных губах. Неплохое лицо – мужественное и даже, можно сказать, красивое. Но во взгляде было что-то, Макс не смог определить что именно: печаль, боль или усталость?

– Знакомьтесь, – сказал Карачун. – Данович Тимур Станиславович... Хабаров Максим Игоревич.

Данович встал и протянул Максу руку.

Силён, подумал Макс, пожимая жёсткую, как деревяшка, ладонь.

– Господин Данович – наш коллега, – продолжал Карачун. – Он работает... – взглянул на Тимура.

– Я работаю в ФАЭТ, – сообщил Данович. – Решение о сотрудничестве двух силовых структур в этой операции принято на соответствующем уровне, поэтому будем называть вещи своими именами и разговаривать конкретно.

– Может быть, кофе? – предложил Карачун.

Данович согласно кивнул, а Макс испугался, что Карачун сейчас вытащит из сейфа две бутылки и три пластиковых стаканчика. Но шеф нажал кнопку селектора и попросил Леокадию принести в кабинет кофе. У Макса отлегло от сердца.

– Я, наверное, глупый вопрос задам, – сказал Макс. – О какой операции речь ведёте, господин... разведчик?

Карачун печально вздохнул. Данович улыбнулся.

– Речь идёт об операции по пресечению деятельности спецслужб Лурпака на территории России, – сказал он.

– Круто! – радостно отреагировал Макс. – А конкретней?

– Как вы знаете, Лурпак – государство внешне лояльное и демократическое, – начал рассказывать Данович. – И нейтральное до сомнений, нейтральнее Швейцарии и Гании, вместе взятых. В политические дразги не лезет, своего мнения в международной политике резко не высказывает. Ни с кем не ссорится, но особо ни с кем и не дружит. Одним словом, создаёт о себе мнение как о государстве, которому по барабану всё, что происходит за его границами.

Однако это не так. Дело в том, что основа благосостояния Лурпака не только в надёжности его банков, которые на самом деле крайне надёжны и привлекают в страну мощные финансовые потоки. Основа – во внутренней политике, ориентированной на науку. Научный потенциал Лурпака велик и он возрастает из года в год благодаря деятельности спецслужб.

– Научный и промышленный шпионаж, – догадался Макс.

– Именно, – кивнул Данович. – Но не в буквальной, традиционной форме. Методы работы Лурпакских спецслужб разнообразны. Не буду сейчас читать лекцию о способах добычи секретной научной информации и методах её легализации в научных программах Лурпакского учёного сообщества. Уверяю, ФАЭТ старается держать ситуацию под контролем.

– Старается? – съязвил Макс.

– Проколы есть у всех. Разве не так? – Видя, что Макс отвечать не собирается, Данович продолжил: – Под негласной эгидой спецслужб создано множество коммерческих фирм и Инвестиционных Фондов, которые принимают финансовое участие во внутренних и международных научных программах. Деятельность одного из таких Фондов находилась под пристальным вниманием Агентства. Основные темы, инвестируемые Фондом – энергосберегающие технологии и поиски альтернативных энергоносителей. Темы крайне актуальные, особенно учитывая ситуацию, сложившуюся в европейских странах после нефтяного и газового кризисов. И международная премия, учреждённая за успехи в этой области, немалая.

Дальнейшее повествование старшего брата было прервано появлением в кабинете Леокадии Альбертовны с подносом в руках. Кофе, естественно, был растворимый. Карачун поморщился, сделав глоток, лицо Дановича осталось беспристрастным, Макс отхлебнул чёрного горячего напитка с удовольствием. Закурили одновременно.

– Рассказ очень интересный и познавательный, – выдув тонкую струйку дыма, произнёс Макс, – но хотелось бы конкретики. Как говорится, ближе к телу, господа.

– Тело замаячило на горизонте около двух лет назад, – отозвался Данович. – Некий профессор, наш соотечественник, преподаватель одного из Московских НИИ стал частым посетителем того самого Инвестиционного Фонда. Причём никакого контракта Фонд с ним не заключал, но в Айзенбурге, в банке, учреждённом этим же Фондом, был открыт счёт на имя... – Данович сделал очередной глоток кофе.

– Вошкулата Алексея Владимировича, – хмуро обронил Карачун.

– Совершенно верно, Анатолий Сергеевич, – кивнул Данович. – И на этот счёт в прошлом году была положена кругленькая сумма.

– В качестве гонорара за предательство на симпозиуме уфологов? – сделал предположение Макс, вспомнив события, указанные в досье.

– Не думаю, – возразил Данович. – Скорее всего, за выполнение какого-то задания. А предательство единомышленников на том симпозиуме было простым тактическим ходом. Фонду зачем-то потребовалось, чтобы Вошкулат стал уфологом, и Вошкулат им стал.

– Я надеюсь, сотрудники Агентства наблюдали за Вошкулатом всё это время? – спросил Карачун.

– Скажем так: мы держали деятельность Вошкулата в России под контролем с момента зачисления на его счёт денег. Однако ни в чём предосудительном он замечен не был. Руководил учебным процессом на кафедре биоэнергетических исследований, читал лекции студентам, регулярно посещал филиал Степного университета на Дальнем Востоке. За последний год Вошкулат ни разу не выезжал в Лурпак, и, вообще за границу. Мы не вдавались в детали его работы, но не упускали его из поля зрения.

– И всё же упустили, – заметил Карачун.

Данович кивнул.

– Признаюсь, мы успокоились. Да тут ещё в ФАЭТе произошли кадровые изменения. Кроме того, много сил пришлось бросить на другие участки. А таких участков немало, могу

вас заверить... После того, как нам стало известно, что Бюро составляет досье на Вошкулата, мне было поручено навести резкость в этом вопросе.

– И вы пришли за помощью к младшему брату, – просиял Макс.

– Как я уже сказал, – невозмутимо ответил Данович, – совместная работа двух наших спецслужб согласована, и я думаю, что это как раз тот самый случай, когда такое сотрудничество полезно.

– Может, ещё кофейку, – предложил Карачун, разряжая обстановку.

– Можно, – согласился Макс.

– Спасибо, – сказал Данович, не уточнив – спасибо «да», или спасибо «нет».

– Леокадия Альбертовна, кофе! – подал Карачун команду в селектор.

Вошла Леокадия, собрала пустые чашки и вышла.

– А, между прочим, господин Вошкулат похищен инопланетянами, – радостно сообщил Макс Дановичу и испытующе на него посмотрел. – Вы как относитесь к НЛО, Тимур Станиславович?

– Спокойно, – без улыбки ответил Данович. – Бывать на НЛО не приходилось, инопланетян не видал – ни живых, ни мёртвых.

– А в небе не наблюдали? Светящиеся диски? Треугольники разные?

– Не наблюдал.

– Стало быть, вы скептик, – предположил Макс.

– В данном случае, когда на кону большие деньги, – сказал Данович, – инопланетяне, скорей всего, ни при чём.

– Большие? – удивился Макс.

– Немалые. Сегодня из Лурпака пришло сообщение, что на счёт Вошкулата упала четверть миллиона евро.

– Надёжность Лурпакских банков не вызывает никакого опасения, – хохотнул Макс.

– Наши люди – профессионалы, – напомнил Данович.

– Мужики! – Карачун опёрся руками о стол и хмуро глянул на обоих: – Работать придётся сообща, поэтому от того, какими будут ваши отношения, таков и будет результат операции. Хабаров, это тебя касается в первую очередь! Хватит заниматься под... – Карачун задумался, вспоминая слово, – подначками. Ещё одна подъя... подначка, и я назначу на это дело кого-нибудь другого.

– Да я... – попытался оправдаться Макс, но тут в кабинет вошла Леокадия с подносом и сказала:

– В приёмной Георгий Аркадьевич. Интересовался: где этот торопыга Хабаров.

– Пусть войдёт, – распорядился Карачун.

Гоша Дистенфельд вошёл и остановился в дверях, близоруко прищурившись на присутствующих. У него в руках был пакет, который час назад ему передал Макс, и листы бумаги, видимо, пояснительная записка.

– Проходи, Георгий Аркадьевич, – сказал Макс. – Не стесняйся. Здесь все свои. Рассказывай, что нарыл?

Гоша никогда не стеснялся, потому что был немного не от мира сего; звания и должности роли для Гоши не играли никакой, невзирая на то, что Гоша был военным, имел звание капитана и занимал майорскую должность. Его секундное замешательство было вызвано лишь тем, что Гоша своим близоруким взглядом отыскивал Макса, для которого и делал изыскания. Когда Макс подал голос, Гоша, по-граждански буркнув «здрасьте», подошёл к спецагенту и сунул в его руки пакет. Потом повернулся к полковнику Карачаеву и протянул пару отпечатанных на принтере листов. Совершив эти действия, он плюхнулся в кресло, и, взяв чашечку кофе, которая стояла перед Максом, отхлебнул из неё и сказал:

– Неплохой кофе.

– Я рад, что он тебе понравился, – вздохнул Макс.

Карачун надел очки и принялся изучать текст Гошиной пояснительной записки, но потом передумал и сказал:

– Раз ты здесь, своими словами расскажи, что там с хабаровским и образцами.

Гоша двумя глотками справился с кофе и отобрал у Макса пакет.

– Вот это образцы травы, растущей вблизи таинственного круга, – сказал Гоша, бросая на середину стола один из пакетиков. – Трава, как трава. Семейство осоковых. Вот это, – Гоша извлек из пакета следующий пакетик, – та же трава, но с изменённой структурой. Она из круга.

– Что за изменения структуры? – поинтересовался Карачун.

– Тривиальное тепловое воздействие.

– А феном такое сделать можно? – неожиданно спросил Макс.

– Феном? – Гоша удивлённо взглянул на Макса. – Можно и феном.

– Я просто вспомнил, – пояснил Макс свой вопрос, обращаясь к Карачуну, – Лиза искала на точке свой фен, чтобы просушить волосы, и не могла найти.

– Какая Лиза?

– Ну, та аспирантка из Степного.

– Почему в отчёте этого нет? – спросил Данович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.